

Екатеринбургской уездной команды Гаврило Кириллович Любимов, солдатский сын, начавший службу в 1801 году рядовым в сформированном в Пермской губернии Екатеринбургском мушкетерском полку и участвовавший в сражениях при Бородино, Тарутино, Лейпциге и Париже¹². В 1838 году 7-м Оренбургским линейным батальоном, сформированным из горных рот при Пермском горном правлении и охранявшем Пермские горные заводы, командовал подполковник Иван Христофорович Яновский, первым награжденный золотой шпагой «За храбрость» во время Отечественной войны¹³. И совсем мы ничего не знаем о солдатах-ветеранах наполеоновских войн, заканчивавших свою службу в инвалидных командах Пермской губернии или живших в губернии на положении бессрочноотпускных.

«Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги». Эти слова были выбиты на памятной медали к 100-летию Отечественной войны 1812 года. Но, увы, чем дальше от нас события «нашествия двенадцати языков», тем меньше мы о них знаем. Интерес, вызванный юбилеем, угаснет, торжества пройдут, и опять мы вспомним о «грозе двенадцатого года» только через 100 лет, в год 300-летнего юбилея. Может быть, наши предки, спасшие страну от иноземного вторжения, достойны лучшей участи? Может быть, пора восполнить пробелы наших знаний о том, как сражались наши земляки в ту далекую и славную эпоху, и о том, какой вклад внесла Пермская губерния в общую победу?

Дмитрий ЛОБАНОВ,
сотрудник Пермского краеведческого музея, председатель Пермского военно-исторического клуба

23 февраля в Пермском краеведческом музее открылась выставка «1812. Славный год». На выставке были представлены предметы из коллекций Пермского краеведческого музея, связанные с войной 1812 года и участием в ней пермяков: портреты, одежда, награды, предметы быта и многое другое. Центральное место на выставке занимала военно-историческая миниатюра. Членами Пермского клуба миниатюристов были созданы панорамы сражений Наполеоновской эпохи.

¹ Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 год. — Пермь, 1912. — С. 69–75.
² Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815, 1816 годов. — СПб., 1916. ПКМ 16922/360.
³ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и

домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Волганаго экономического общества... Ч. 2. — СПб., 1811. — С. 233.
⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) №№ 25051, 25198, 25279.
⁵ Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801–1855. — М., 1996. — С. 7–10.
⁶ ПСЗРИ №№ 16565, 16579, 16705, 16796, 16905, 17154, 17247, 17394, 17507, 18125, 18646, 19045, 20411, 20994, 21441, 21891, 22275, 22348, 23263, 23848, 24369, 24772.

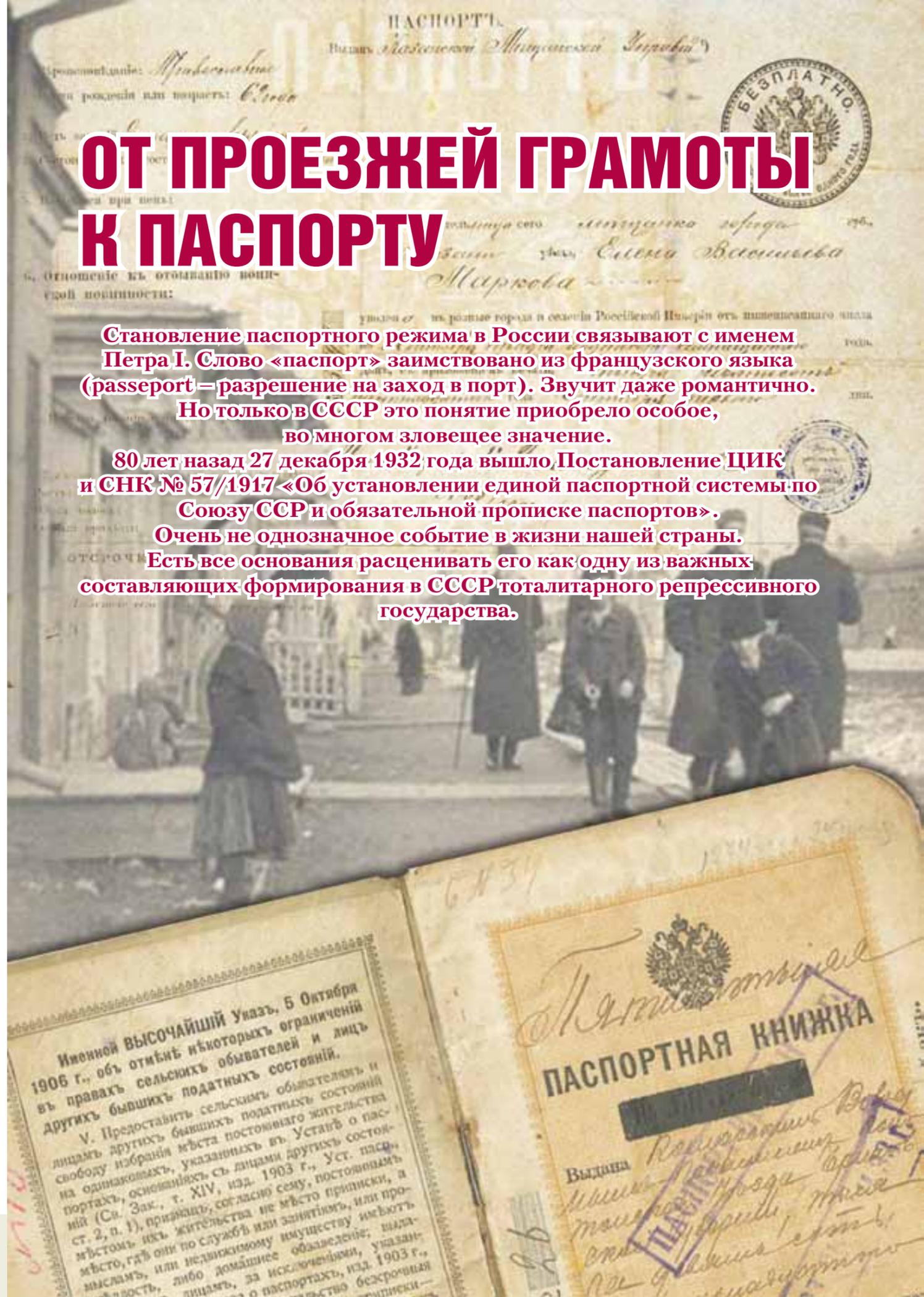
⁷ Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. — СПб., 1902. — С. 216–317.
⁸ Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. — СПб., 1902. — С. 14–68.
⁹ http://www.museum.ru/1812/War/Sostav_rus/index.html
¹⁰ М.Н. Еленев. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за двести лет его существования. — Варшава, 1908.
¹¹ ГАПК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 6.
¹² Земцов В.Н., Ляпин В.А. Екатеринбург в мундире. — Екб., 1992. — С. 125.
¹³ Список подполковникам по старшинству. — СПб., 1838. — С. 17.

ОТ ПРОЕЗЖЕЙ ГРАМОТЫ К ПАСПОРТУ

Становление паспортного режима в России связывают с именем Петра I. Слово «паспорт» заимствовано из французского языка (passeport – разрешение на заход в порт). Звучит даже романтично. Но только в СССР это понятие приобрело особое, во многом злое значение.

80 лет назад 27 декабря 1932 года вышло Постановление ЦИК и СНК № 57/1917 «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов».

Очень не однозначное событие в жизни нашей страны. Есть все основания расценивать его как одну из важных составляющих формирования в СССР тоталитарного репрессивного государства.

История паспортов в России начинается с эпохи Петра Великого, пытавшегося воплотить идею создания в России «регулярного государства». В 1719 году, в связи с введением подушной подати и рекрутской повинности, были также введены так называемые проезжие грамоты. Вскоре, в 1724 году, выезжавшим с постоянного места проживания стали выдавать покормежные и пропускные письма, в них описывался рост, внешний вид и особые приметы отпущенного. Первые выдавались крестьянам, уходившим из сел на заработки в пределах своих уездов, помещиками и приказчиками. Вторые — лицам, отправляющимся за пределы своего уезда, для их получения нужно было обращаться к уездному начальству (или мещанам) в городской магистрат. За передвижением населения надзирали местные административные органы и полиция. Крестьян, обнаруженных без документов, подвергали телесным наказаниям и возвращали их владельцам. Наказание грозило и лицам, предоставлявшим беспаспортным людям работу и кров.

Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что на практике паспортный режим нередко нарушался. Например, в июле 1797 года Соликамский городской магистрат рассматривал дело соликамского мещанина Григория Турантаева, обвинявшегося «в держании без паспортного крестьянина Чердынской округи Вильгортской волости Ивана Кушева», которого он якобы в течение двух недель использовал на домашних работах. На допросе Турантаев рассказал, как было дело: «Прошлого 1796 году в октябре месяце Чердынской округи Мошевской волости крестьянин домом своим жительство имеющий в городе Соликамске Тимофей Бызанов привел к дому его под окошко той же округи Вильгортской волости крестьянина Ивана Кушева для топорной работы, причем он Турантаев Кушева спрашивал: имеет ли указной паспорт. И на то он отвечивал, что оставил на фатере, а сверх того оба они подтвердили, что из

Свадьба. Фото из частной коллекции

давно времен в городе Соликамске по таковому же пашпортам жительство имеют. Особливо же Бызанов о Кушеве его уверял, что оба они одной округи и живет у него в соседях, довольно он его знает, и по таковом уверении сказал он, Турантаев, Кушеву: если хочешь работать, принеси пашпорт, каковой он на третий день и принес к дому его под окошко вынул из кармана для показания держал в руках своих. Но поелику ему в тогдешнее время в здорвье последовал болезненный припадок, почему он его в руки к себе взять и прочитав не мог. Сказал только Кушеву: когда пашпорт есть, приходи на другой день егда полегче ему будет, тогда тебе и с товарищем работу отведу, которая после того с неделю времени из вольной платы при своем пропитании работали при разобрании заплотов не в дому его, а на вновь принятом плановом месте на улице

при дороге. И когда он у Бызанова из числа заработанного по просьбе купца Василья Зырянова вычел долговых денег рубль, что самое Бызанов почел за неудовольствие и робить перестал. После чего Кушев два дня робил с чердынским же крестьянином Андреем Резеевым, живущим в городе Соликамске из давних лет, причем Резеев сказывал ему, что де Кушев в его доме и квартирует. По сработке ж оставшая добровольная плата обоим им от него Турантаева выдана сполна, почему они, куда им надлежало в то же самое время и ушли. Кушев же у него в доме ни прежде, ни после никогда не живал...»¹.

Магистрат легко поверил этой истории и оправдал Турантаева, поскольку Кушев не жительствовавал у него дома².

Не менее показательна история с крестьянками Чердынского уезда, 18-летней Ксенией Говорливых

и 25-летней Улитой Пьянковой. Дело возникло в связи с тем, что первая, живя по чужому паспорту в Перми, в 1793 году вышла замуж за дворового человека советника Пермской уголовной палаты Чадина, а затем сбежала из его дома, унеся с собой купленную ей господами одежду и некоторые другие вещи.

В ходе расследования выяснилось, что Ксения первоначально ушла из дома мужа на заработки и, пожив некоторое время в городе Чердыни у разных тамошних обывателей в работницах, затем нашла работу в селе Вильгорт, при строящейся там каменной церкви. Здесь она познакомилась с Улитой, которая позвала ее с собою в село Новое Усолье «для страдней работы». Ксения приняла предложение и ушла с Улитой в Новое Усолье, не известив мужа, а по приходе нанялась на работу у живущего там прапорщика Ивана Попова. Улита, также без паспорта, устроилась в Новом Усолье без каких-либо проблем. Во время пребывания в Новом Усолье они познакомилась с «показывающейся вдовой крестьянской женой Настасьей Федоровой дочерью Трапезниковой», которая уговорила их ехать в губернский город Пермь и там «сыскать выгодные для себя работы». Опытная и обладавшая многочисленными знакомствами Настасья, «дабы им не могло последовать какой остановки и задержания», дала женщинам «письменные билеты», за которые взяла с Ксенией — три, а с Улитой — два рубля, и притом велела, «дабы они называли себя Настасьями Федоровыми дочерьми». О билетах же тех «сказывала, что они даны ей Янидорской волости старостой и пищиком Артемьем Федосеевым».

Староста Федосеев на допросе заявил, что билет давал временный самой Настасье, сроком на два месяца, и поэтому законов не нарушал, однако Трапезникова показала, что поила старосту вином и таким образом добыла у него паспорта.

По приезду в Пермь женщины нанялись домашними работницами, причем Ксения, по паспорту

значившаяся вдовой, вскоре оказалась сосватана и вторично, при живом муже, вышла замуж: «...приходящая тут тамошняя мещанская женка, по прозванию Красавиха, уговаривая ее дабы согласилась выйти в замужество тамошней уголовной палаты господина советника Чадина за крепостного человека Ивана Симонова... А потом из вышеписанных женок Улита ей к тому присогласовала, упоминаемая ж мещанка Красавиха, взяв от нее билет и унесла к показанному господину советнику Чадину, а после сказала, что он, господин Чадин, буде есть ее желание, в замужество дворовому своему человеку взять ее позволяет. И по сим обстоятельствам, избегая дальнейшего пребывания у разных людей, а наипаче крестьянской жизни и бедного ее мужа житья, за оного Ивана Симонова, после Рождества Христова в промежговенье вышла, но до выхода ж в замужество, когда приготовилась ехать к венцу, означенная женка Улита вторично приходила и разговаривала, чтоб она не ходила, но, боясь она Ксения нарушить данного обещания, вышла, не послушав более ее, Улиты, и после того жила того году до страднего времени в должном содержании по мере ее услуг»³.

Поскольку жизнь в доме у советника Чадина оказалась не такой хорошей, на какую, очевидно, рассчитывала Ксения, она следующим летом дала Улите себя уговорить сбежать от него и вернуться к прежней крестьянской жизни. Забрав нарядную городскую одежду, а также скатерть и полотенце, она пешком ушла из Перми и добралась до своего села Анисимова в Чердынском уезде, где после того «жила в доме своем с прежним своим мужем Ефимом Говорливых безотлучно и мужу своему также и никому о выходе вторично в замужество не сказывала, да и спрашивана о том не была».

Отметим, что герои и героини этих дел достаточно свободно перемещаются между разными уездами, устраиваются на работу по договору и находят жилье, не имея никаких письменных удостоверений. Потребность в паспорте

Барышня, начало XX века. Фото из частной коллекции

возникает только в большом городе, да и там его часто заменяет рекомендация, основанная на личных связях. Сомнительного вида бумажка, полученная случайным путем, стала документом, достаточным не только для временного устройства на работу, но даже для вступления в брак — притом что в качестве эксперта, ее удостоверившего, оказался советник губернского уголовного суда.

Но отступления от соблюдения паспортного режима происходили в дореформенный период и вполне официально. В июле 1802 года действительный тайный советник граф Александр Сергеевич Строганов подал на Высочайшее имя прошение из шести пунктов, в котором просил о возврате к прежнему упрощенному порядку выдачи удостоверяющих личность документов для своих крепостных людей, занятых на сплаве соляных и железных караванов: «С собственных моих соляных и железных заводов, состоящих в Пермской губернии, ежегодно отправляется соль до Нижегородских Вашего Императорского Величества магазинов, а железо — в разные Российской империи города; и к сему отправлению упо-

требляются в судовой работе большею частью крепостные мои люди, на которых по содержанию состоявшихся указов 1726-го года июля 21-го, 1732-го ноября 5-го, 1745-го ноября 19-го и по силе учиненного Пермским губернским правлением в 1782 году определения давались отправляемым с караванами приказчиком именные реестры с описанием тех работников росту и примет и с засвидетельствованием оных реестров в нижнем земском суде, в ведомстве которого те крестьяне жительство имеют, с каковыми они и возвращались в свои дома. Но ныне Пермское губернское правление, в отмену прописанных узаконений, предписало всем городничим и нижним земским судам иметь наблюдение, дабы заводские конторы на отправляющихся по рекам соляных и прочих караванов работных людей с письменными билетами из уезда в уезде, а кольми паче дальше не отправляли, но брали на каждого человека указы печатные пашпорты, без коих и вольножелающих никакого бы звания ни принимали, приводя к таковому своему постановлению основанием изданный в 1724-м году плакат и состоявшийся 1771-го года августа 25-го дня Правительствующего Сената указ»⁴.

Такая инициатива губернского правления, потребовавшего строгого соблюдения паспортного режима, нарушила сложившуюся в XVIII веке традицию, когда занятые на сплаве люди путешествовали без паспортов, и, по мнению вельможи, привела к угрозе срыва поставок соли: «Через таковое Пермского губернского правления постановление я нахожу крайнее в отправлении соли и железа затруднение и совершенную невозможность в исполнении того постановления, потому 1-е, что соль отправляется по примерно трехпудному мешков счислению и до самого отправления караванов, сколько оной будет погружено и какое потребует количество рабочих и других людей, верно знать нельзя, почему как точного счисления по самое то время назначить, так и покормежных брать на известное число людей невозможно.

Семейная пара. Фото из частной коллекции

2-е. Самые те люди укомплектовываются в соляных заводах и при самом отвале каравана, причем иногда бывает от многого количества людей немалое число больных и увечных, кои переменяются другими от соляных заводов ниже в расстоянии от ста десяти до трехсот верст, где по течению реки Камы прилегли их селения, следовательно, в самое удобнейшее на сплаву время нет средств брать на тех людей покормежные в уездных городах, отстоящих как от оных заводов, так и от селений, где берутся люди, в дальнем расстоянии, в каковом случае убыль в реке Каме внешней воды главнейшим есть препятствием. 3-е. Наряжаются на помянутые караваны крепостные мои люди для одного только препровождения собственных моих заводских произведений, и не более как только на четыре месяца, после чего возвращаются в свои дома для исправления таких же заводских работ, следственно и не подходят под прописанные в постановлении Пермского губернского правления узаконения, к чему с самого состояния плаката до сего времени ни каким правительством настолько принуждаемы не были, но по неоднократным самого того правления предписаниям отправление их всегда было с вышеобъясненными регистрами».

«Хотя же и просили мои поверенные Пермское губернское правление о позволении иметь на упоминаемых судах людей, как издревле происходило не с печатными пашпортами, а с письменными пропусками, но оное правление, к крайнему моему отягощению, постановления своего не отменило; от чего до того уже доходило, что когда соляной караван грузкою оканчивался, и потребные люди обыкновенным образом назначались, прибылая же в реке Каме вода начинала убывать, то Соликамский нижний земской суд, видя явную остановку в отправлении приготовленных судов, сопряженную с неизбежными убытками, народною тягостью и казенным ущербом, сам собою приступил к выдаче поверенным моим на отправляемых крепостных моих людей регистров за надлежащим свидетельством, оставя у себя с оных копии, с таким заключением, что приступил он к тому по краткости времени и в деле нисколько промедления не терпящем, о чем к сведению донес рапортами как Пермскому гражданскому губернатору, так и тамошнему губернскому правлению, а поверенным с той резолюции выдал за скрепою копию, но и затем губернское правление не только осталось непреклонным в своем постановлении, да и пове-

ренных владельческих подвергало уже уголовному суждению»⁵.

Конфликт между Строгановым и губернским правлением был в итоге разрешен в пользу вельможи — прежний порядок упрощенной регистрации людей, отправлявшихся с караванами, был восстановлен.

В период правления Николая I основным законом, определявшим паспортный режим в империи, являлся «Устав о паспортных и беглых». Устав гласил, что никто не может отлучаться от места постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта. Все путешественники должны были предъявлять паспорта при переезде из одной губернии в другую на городских заставах, а по прибытии на место — полиции. Не служившие на государственной службе дворяне могли не иметь паспортов, для них документом являлась грамота на дворянское достоинство. Для крестьян и мещан было установлено три категории паспортов, выдаваемых в зависимости от удаления лица от основного места жительства и срока их действия. Кроме подданных, отправившихся по каким-либо делам за пределы

места своего проживания, паспорт требовался также при венчании в церкви, если один из вступающих в брак был приписан к другому приходу.

Паспортная книга составлялась в городах полицейскими чиновниками, на крестьян — писарями в волостных правлениях. В ней отмечались проезжие грамоты, подорожные листы, паспорта, виды на жительство и др. С 1883 года домохозяева в обязательном порядке должны были извещать полицию обо всех прибывших и выбывших во всех городах, посадах и местечках, представляя их паспорта для регистрации.

3 июня 1894 года было принято Положение о видах на жительство, действовавшее в отношении подданных империи кроме польского и финского населения, лиц военных, казаков, иностранцев и еще нескольких категорий граждан. С 1 января 1895 года началась выдача новых по форме документов. Книги учета паспортов заводились в местах выдачи паспортов: по месту службы лиц, состоящих на государственной службе, духовенству — в духовных учреждениях, полицейских управлениях, мещан-

ских и ремесленных управах и т.д. В паспорт вносились приметы его владельца (при отсутствии фотографии), а также место жительства, сословная принадлежность, вероисповедание; графы «национальность» не было.

Графа «особые приметы» обычно не заполнялась. В.А. Гиляровский в своих воспоминаниях приводит связанную с ней забавную историю: «Служил у нас первым любовником некоторое время актер Белов и потребовал, чтобы Далматов разрешил ему сыграть в свой бенефис Гамлета. Далматов разрешил. Белов сыграл скверно, но сбор сорвал. Настоящая фамилия Белова была Бочарников. Он крестьянин Тамбовской губернии, малограмотный...

После бенефиса вышел срок его паспорта, и он принес старый паспорт Далматову, чтобы переслать в волость с приложением трех рублей на новый «плакат», выдававшийся на год. Далматов поручил это мне. Читаю паспорт и вижу, что в рубрике «особые приметы» ничего нет. Я пишу: «Скверно играет Гамлета» — и посылаю паспорт денежным письмом в волость».

Крестьяне на городском рынке. Фото из фондов ГАПК

Через несколько дней паспорт возвращается. Трупна вся на сцене. Я выделяю, по обыкновению, разные штуки на трапедии. Белову подают письмо. Он распечатывает, читает, потом вскакивает и орет дико:

— Подлецы! Подлецы!!».

История Гиляровского наглядно показывает, что получение паспорта обычно было достаточно формальной и не вызывающей особых проблем процедурой. В местах постоянного проживания паспорт по-прежнему не требовался, кроме населенных пунктов, объявленных на чрезвычайном положении. Не требовалось паспортов при отлучках в пределах уезда и на расстояние до 50 верст за его пределами. Также паспорт не требовался, если отлучка длилась не более чем шесть месяцев.

В паспорт вносились члены семьи, если они проживали вместе с его владельцем. Мужчины до 17 лет и женщины до 21 года могли получать вид на жительство лишь по просьбе родителей или опекунов, замужние женщины — с согласия мужа.

Препятствием к выдаче паспорта могло быть наличие недоимки. Неотделенным членам крестьянских семейств, даже и совершеннолетним, вид на жительство выдавался только с согласия хозяйина крестьянского двора или по распоряжению земского начальника. Лицам, включенным в общий вид, могли быть выданы и отдельные виды на жительство, в месте их временного пребывания. Дворянам неслужащим, лицам, уволенным от государственной службы, офицерам и чиновникам запаса, почетным гражданам, купцам и разночинцам видами на жительство служили бессрочные паспортные книжки, выдаваемые полицией.

Действовали ограничения на поселение и получение документов как общего порядка («черта оседлости» для евреев, цыган) так и для лиц, судимых и находящихся под надзором полиции. Этим лицам паспорта выдавались только с раз-

решения полиции, а в них делалась отметка о судимости владельца и производилась запись, ограничивающая места проживания.

В XX веке такие отметки формально уже были нарушением правил, но нередко по-прежнему проставлялись. Цитируем секретное письмо Департамента полиции пермскому губернатору от 29 марта 1900 года: «Заведующий металлургической частью Алапавских заводов технолог Бронислав Фаддеев Лелевель обратился в департамент с ходатайством об оказании ему содействия в получении вида для повсеместного в империи жительство, так как на имеющемся у него паспорте сделана надпись об установленных за ним ограничениях в праве пребывания в некоторых местностях.

Принимая во внимание, что никакие административные распоряжения и взыскания не подлежат внесению в личные документы, Департамент полиции имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении о выдаче просителю взамен имеющегося у него паспорта установленного вида для повсеместного в империи жительство, без всяких на нем отметок и оговорок, и о последующем уведомить Департамент.

Вместе с сим Департамент покорнейше просит Ваше превосходительство приказать объявить названному Лелевелю, что отсутствие в новом паспорте указаний на воспрещение жительство в столицах и С.-Петербургской губернии не буде отменять наложенного на него, Лелевеля, ограничения в праве жительство в означенных местностях впредь до особого распоряжения».

В 1906 году крестьянам были предоставлены одинаковые права с другими сословиями, и с этого времени документ, удостоверяющий личность подданного в России, стал называться паспортной книжкой. В нем указывались фамилия владельца, его имя и отчество, семейное положение,

дети, особые приметы и место жительства. Однако паспорт продолжал оставаться средством административного принуждения и контроля. В случаях волнений и забастовок рабочих было распространено (хотя и незаконной) практикой при увольнении направлять их паспорта по месту постоянного проживания, вместо того чтобы выдавать на руки. Это приводило к тому, что рабочий, по паспорту числившийся крестьянином (нередко другой губернии), был вынужден тратить усилия на возвращение своего паспорта, а не на борьбу с хозяевами фабрики за свои права.

Иностранцы допускались в Россию только по паспортам российских миссий и консульств или по засвидетельствованным ими иностранным паспортам. В России им выдавался на каждый год проживания специальный паспорт, который необходимо было регулярно продлять.

Выдачей паспортов иностранцам, проживающим не в столицах, занимались губернаторы (их канцелярии). Несмотря на такой контроль, даже в начале XX века встречались случаи беспаспортного проживания иностранных подданных. Примером может служить случай с китайским подданным Туд-за, который мальчиком был привезен в Россию каким-то капитаном, как обезьянка, — без всяких документов. Он проживал в Перми и работал официантом, не имея никакого паспорта, пока не захотел вернуться на родину. Возникла большая бюрократическая волокита, не было документа — основания для выдачи паспорта, ее разрешил в конечном итоге Департамент полиции, велел выдать паспорт, поскольку китаец отличался хорошим поведением и ни в чем предосудительном замечен не был⁶.

Андрей БУШМАКОВ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии
Пермского государственного
института искусств и культуры

«ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ, Я ГРАЖДАНИН...»

Из истории российского паспорта

Как считается, в русском языке слово «паспорт» появилось еще в XVII веке и было заимствовано из французского языка (passeport — разрешение на прибытие в порт). Паспорт первоначально был средством наблюдения за подозрительными лицами и мерой охраны государственной безопасности. В дальнейшем паспорт приобрел значение удостоверения личности предьявителя, давал право на отлучку с постоянного местожительства или на выезд за границу.

Появление паспортной системы в России принято связывать с именем реформатора Петра I. По «Инструкции полевых и гарнизонных команд офицерам, отправленным для сыску беглых драгун, солдат, матросов и рекрут и для искоренения воров и разбойников и приостановителей при них» от 24 декабря 1719 года обязательными для всех свободных жителей государства, выезжающих в другие местности и страны, стали «проезжие грамоты» или «пашпорта», которые с начала XVII века использовались для проезда внутри страны. «8. А понеже Его Царского Величества указами опубликовано, чтоб никто никуда без пашпортов или проезжих или прохожих писем не ездили и не ходили, но каждой бы имел от начальников своих пашпорт или пропускное письмо»¹.

Паспорта имели существенное значение в сборе податей. «Плакаты» от 26 июня 1724 года для крестьян, с целью предотвращения уклонения от уплаты подушной подати при временных отъездах с места жительства, были установлены особые правила. При отходе на работу крестьянину в пределах уезда (до 30 верст от

двора) необходимо было получить «письменный отпуск» от помещика, приказчика или приходского священника, а в более отдаленные районы — «пропускное письмо» у земского комиссара, который был обязан сделать запись в особой книге и оформить документ за два дня. В «пропускных письмах» описывалась внешность крестьянина: «рост, лице и непременные приметы, дабы кто другой воровски получа оно не волгался». Срок действия пропускных писем не должен был превышать трех лет².

Заграничный паспорт в XVIII веке выдавала Коллегия иностранных дел. В первой половине XIX века дворянам разрешалось выезжать за границу только на несколько лет, остальным — не более чем на год. Заграничные паспорта стоили очень дорого. А часть выручки от продажи документов шла на благотворительные цели. О каждом выезжающем трижды публиковалось объявление в официальных газетах, выдавались заграничные паспорта только тем, к кому не было «претензий» у частных лиц и официальных органов. Паломники, ехавшие на богомолье в Иерусалим, должны были получить на то разрешение Синода. На основании «Устава о паспортах» в «Пермских губернских ведомостях» публиковались объявления о выдаче заграничных паспортов на выезд на богомолье: «Пермское губернское правление ... объявляет во всеобщее сведение, что крестьянин Чердынского уезда Покчинского сельского общества Михайло Николаев Серебренников отбывает ныне в Иерусалим, для путешествия ко святым местам в

окрестностях Палестины и разных городах Турецкой Империи»³.

С 1803 года для купцов, мещан и крестьян ввели печатные паспорта, действительные только в России. Основным законом в XIX веке, регулирующим паспортный режим в империи, являлся «Устав о паспортах и беглых». Первая статья «Устава» указывала, что никто не может отлучаться от места постоянного жительства без законного вида или паспорта.

С 1 января 1895 года в соответствии с «Положением о видах на жительство»⁴ началась выдача новых по форме документов. Паспорт не требовался в месте по-

Паспортная книжка образца 1915 года. Из фондов ГАПК

¹ ГАПК. Ф. 21. Оп. 2. Д. 120. Л. 142–142 об.
² Там же. Л. 143.

³ ГАПК. Ф. 177. Оп. 3. Д. 249. Л. 2–4.
⁴ ГАПК. Ф. 36. Оп. 5. Д. 143. Л. 2–3.

⁵ ГАПК. Ф. 36. Оп. 5. Д. 143. Л. 4.
⁶ ГАПК. Ф. 365. Оп. 3. Д. 519.